

климат, «племенные особенности») и социальные («степень цивилизации», благосостояния, образ жизни, занятия) причины смертности. И.А. Спасский, вслед за доктором А. Романовым, отдавал преимущество производственным причинам смертности населения Ижевского завода.

Особенно высокой в Ижевском заводе была детская смертность: по данным И.И. Андриеевского, из числа всех умерших на долю детей в возрасте до одного года приходилось 41,3 %⁴⁷⁴. В 1847 г. на долю малолетних детей (до 5-летнего возраста) приходилось 67 % общего числа умерших, в 1850 г. – 58 %, 1855 г. – 60 %, 1859 г. – 70 %, 1860 г. – 59 %⁴⁷⁵. Сравнение смертности в Ижевском заводе, Вятской губернии и России по половозрастным показателям, проведенное И.А. Спасским, выявило, что «в уездах больше всего умирают в детстве и в старости, в городах...более умирают в зрелом возрасте и старости, а в Ижевском заводе более всего умирают в детстве и зрелом возрасте»⁴⁷⁶. Высокий уровень детской смертности объяснялся отсутствием в госпитале детского отделения, эпидемиями, слабым состоянием здоровья родителей, антисанитарными условиями.

Тем не менее, в изучаемый период в Ижевском заводе сохранялся положительный демографический баланс (рождаемость стабильно превышала смертность): в 1825 г. на 100 родившихся приходилось 57,9 умерших, в 1845 г. – 63,3, в 1855 г. – 54,1 и в 1865 г. – 72,6.

Таким образом, в XIX в. в Ижевском заводе господствовал традиционный тип воспроизводства населения, характерной чертой которого являлся высокий уровень рождаемости и смертности. Стремление заводских служащих создавать семью по достижении совершеннолетия обусловило значительное количество заключаемых браков. Согласно статистическому описанию, «жители завода из оружейного сословия, по обстоятельствам своего быта, имеют вообще расположение к семейной жизни, так что почти каждый из них считает обязанностью жениться, едва достигши законных для того лет»⁴⁷⁷. Уровень смертности заводских служащих, по данным И.А. Спасского, превышал аналогичные показатели по России, что объяснялось условиями труда на предприятии и вредными для здоровья профессиями, антисанитарией и эпидемиями. Но в целом высокий уровень воспроизводства и превалирование рождаемости над смертностью обеспечивали постоянный ежегодный прирост населения.

Д.В. Гаврилов
Екатеринбург

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В пореформенный период на горнозаводском Урале наиболее острыми, животрепещущими и, в то же время - очень сложными и запутанными, были два социально-экономических вопроса: 1) о поземельном устройстве горнозаводского населения и 2) о ликвидации посессионного права. Великий русский ученый-химик Д. И. Менделеев, побывавший на Урале в 1899 г., увидел в запутанности аграрных отношений и земельной неурядице на Урале корни новой «пугачевщины»⁴⁷⁸. Профессор И. Х. Озеров, посетивший Урал в 1909 г., сообщал, что «на почве земельного вопроса много неприятностей и трений

⁴⁷⁴ Андриеевский И. Указ. соч. С. 47, 54-57.

⁴⁷⁵ Субботкин М. Об Ижевском оружейном заводе // Оружейный сборник. 1863. № 2. С. 154.

⁴⁷⁶ Спасский И. Указ. соч. С. 4.

⁴⁷⁷ ЦГА УР, ф. 4, оп. 1, д. 782, л. 322.

⁴⁷⁸ Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году // Менделеев Д. И. Сочинения. М.; Л. Т. 12. 1949. С. 1024.

между заводами и населением»⁴⁷⁹. Напряжённая социально-политическая обстановка в важнейшем промышленном районе страны, обостряемая революционной пропагандой левых партий, не могла не беспокоить правительство, которое стремилось путём законодательных мер ослабить социальную нестабильность в регионе.

Российские историки проделали уже значительную работу по изучению истории землевладения и аграрных отношений на Урале. Однако многие аспекты этой темы в достаточной мере до сих пор еще не выяснены⁴⁸⁰. Среди историков существуют большие разногласия в оценке изменений в землевладении и землепользовании горнозаводского населения в пореформенный период, в оценке роли землевладения в жизни горнозаводских рабочих. В ряде работ аграрный вопрос рассматривается в отрыве от социально-экономической жизни края. В литературе не нашли должного отражения изменения в рассматриваемый период в позициях и взглядах правительства и горнозаводчиков, а также и самого горнозаводского населения и рабочих на аграрный вопрос. Утверждалось, например, что влияние революции 1905 – 1907 гг. на аграрный вопрос на Урале ограничилось только тем, что революционные события «отложили на некоторое время предъявление горнозаводскому населению проектов земельного надела»⁴⁸¹.

Вопрос о ликвидации посессионного права. Характерной чертой Урала являлось наличие в руках горнозаводчиков огромных земельных владений, которые служили в пореформенный период экономической основой сохранения многочисленных остатков крепостничества в уральской горнозаводской промышленности. Громадные земельные владения и монопольное господство в горном деле давали горнозаводчикам возможность держать местное население в полукрепостнической кабальной зависимости, подвергать прикрепленных к земле рабочих жесточайшей эксплуатации, позволяли при отсталой технике и рутинных способах ведения хозяйства получать сверхприбыль.

Отчуждение от горнопромышленников горнозаводских дач или даже только значительное их уменьшение, потребовали бы от заводовладельцев перехода к чисто капиталистическим методам хозяйствования, технического переоборудования заводов, коренной перестройки всего заводского хозяйства и изменения способов обеспечения заводов рабочей силой. А это в свою очередь потребовало бы сразу очень крупных капиталовложений.

Такая перспектива не устраивала уральских горнозаводчиков, которые, пользуясь длительное время своим монопольным положением в российской металлургии, привыкли жить «по старинке» и, не тратя средств на технические улучшения, получать огромные дивиденды. Кроме того, заводовладельцы просто не смогли бы сразу найти такие капиталы, так как получаемые с заводов доходы тратились ими непроизводительно, главным образом на свои личные нужды. Расходы заводовладельцев постоянно превышали их доходы, и большинство частных заводов хронически было обременено долгами.

Поэтому не удивительно, что горнопромышленники всеми способами стремились сохранить в своих руках огромные латифундия, оберегали их целостность и неприкосновенность, упорно сопротивлялись наделению землей горнозаводского населения. Исследование аграрного вопроса на горнозаводском Урале позволяет более обстоятельно выяснить социально-экономическую и юридическую природу горнозаводских латифундий, даёт возможность более глубоко уяснить роль землевладения горнозаводчиков в жизни Урала, установить действительные позиции горнозаводчиков в аграрном вопросе, которые сами горнозаводчики, в целях маскировки их подлинных намерений, стремились завуалировать. Последнее, например, очень рельефно проявилось при рассмотрении в правительственных инстанциях проектов о ликвидации на Урале посессионных владений.

⁴⁷⁹ Озеров И. X. Горные заводы Урала. М. 1910. С. 41.

⁴⁸⁰ См.: Легошин Л. И., Черныш М. И. Историография аграрного вопроса на Урале в пореформенный период (Обзор советской литературы 1956-1967 гг.) // История СССР. М. 1969. № 1. С. 134 - 145.

⁴⁸¹ Трефилова Л. А. Землевладение и землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в 1861-1917 гг. Автореферат дисс. на соискание уч. степени канд. историч. наук. Пермь. 1967. С. 19 - 20.

Посессионными заводами назывались предприятия, принадлежавшие частным владельцам на правах условного владения, так называемого «посессионного права». Начало посессионным владениям было положено указом Петра I от 13 января 1721 г., которым было разрешено предпринимателям-недворянам покупать к заводам деревни с крепостными крестьянами «невозбранно, но токмо под той кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»⁴⁸². С конца XVIII в. посессионными стали считаться все предприятия, имевшие от правительства «пособия» землями, рудниками, крепостными людьми, денежными средствами. Посессионеры не имели права отдельно от заводов продавать рабочую силу и земли, без согласия властей строить новые заводы и увеличивать мощность имевшихся, использовать землю и природные ресурсы на другие цели, платили добавочную горную подать.

Накануне падения крепостного права, в 1860 г., к посессионным относилась половина всех уральских горных заводов – 78 заводов из имевшихся тогда 154, то есть 50,6 % общего числа всех заводов. Из них 63 завода находились в Пермской губернии, 11 – в Вятской, 4 – в Оренбургской губернии. После отмены крепостного права законом 9 декабря 1863 г. из состава посессионных были выведены заводы, имевшие пособия в «людях» и оставлены в их числе только получившие в пособие «земли и леса». От посессионных ограничений были освобождены Сергинские, Кыштымские и Суксунские заводы – в Пермской губернии, Залазнинские и Шурминские – в Вятской, Авзяно-Петровские – в Оренбургской губернии и др.

После отмены крепостного права посессионными на Урале остались 9 горных округов, из них 7 округов (Нижнетагильский, Верхисетский, Алапаевский, Невьянский, Сысертский, Ревдинский и Шайтанский) находились в Пермской губернии, 2 округа (Омутнинский и Холуницкий) – в Вятской губернии. В 1898 г. Ревдинский округ был продан в частную собственность В. Л. Ратькову-Рожнову и число посессионных округов сократилось до 8.

В пореформенный период владельцы заводов, сохранивших статус посессионных, юридически по-прежнему считались не собственниками, а лишь только содержателями, временными владельцами имений. Принадлежавшие посессионерам земли и леса не могли продаваться отдельно от заводов и составляли с ними нераздельное целое. Владельцы могли разрабатывать в посессионных дачах только необходимые для заводского действия полезные ископаемые, должны были расходовать леса посессионных дач лишь исключительно на заводские потребности и в размерах, не превышавших ежегодный прирост леса. За пользование дачами посессионеры платили в казну добавочную горную подать⁴⁸³.

Посессионные владения, сложившиеся в XVIII в., в конце XIX – начале XX вв. являлись уже глубоким анахронизмом, одним из пережитков феодально-крепостнических порядков на Урале.

Хотя в пореформенный период посессионеры формально считались только содержателями, временными владельцами своих имений, фактически они имели на них почти неограниченные права и владение на посессионном праве в конце XIX – начале XX вв. уже мало чем отличалось от владения на праве частной собственности. Большая часть существовавших по отношению к посессионным владениям ограничений на практике не выполнялась, а плата за пользование посессионными дачами была ничтожно мала – в 1895 г. посессионеры уплатили за каждую десятину посессионных земель добавочной горной платы в среднем по 4,8 коп.⁴⁸⁴

Тем не менее, правительственный контроль и правительственная регламентация тяготили посессионеров. Посессионное право мешало получению в ипотечных банках

⁴⁸² Струмилин С. Г. История чёрной металлургии в СССР. М. 1954. Т. I. Феодальный период (1500–1860). С. 292.

⁴⁸³ Свод законов Российской империи. СПб. 1857. Т. VII. Устав горный. Ст. 445 – 552; Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе (2 ПСЗ). Т. XXXVIII. 1863. № 40358.

⁴⁸⁴ Сигов И. С. Народ и посессионные владения на Урале // Русское богатство. СПб. 1899. № 4. С. 191.

кредитов под залог земель и лесов. Поэтому посессионеры неоднократно, начиная с 60-х гг. XIX в., возбуждали перед правительством вопрос о выкупе ими посессионных дач в полную собственность, постоянно жаловались на «тяготы» и «стеснительность» посессионного владения, якобы мешавшие им развивать горное дело.

В 1860-х гг. Горная и Податная комиссии разработали проекты выкупа посессионных владений, по которым посессионерам предоставлялось право выкупить в собственность земли и все находившиеся на них сооружения по оценке, выведенной путем капитализации добавочной горной подати из 5 %, причем выкупная операция рассрочивалась на 37 лет. Оценка земель для выкупа по проекту Податной комиссии определялась в суммах от 20 коп. до 1 руб. 80 коп., а в среднем 83 коп. за десятину (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Оценка земель уральских посессионных горнозаводских округов по проекту Податной комиссии 1860-х гг. *

Название округа	Площадь, в десятинах	Выкупная сумма, руб.	Стоимость одной десятины земли, руб.
Нижнетагальский	630047	1171538	1, 83 ½
Смертский	253704	341007	1, 34 ¼
Шайтанский	34041	41467	1, 20 ¼
Реальский	168850	189181	0, 76
Невьянский	180229	94720	0, 52 ½
Верхисетский	724163	335701	0, 46 1/3
Алапаевский	845187	184322	0, 21 ¾
Итого	2836221	2357936	0, 83

* *Попов П. С.* Горнозаводский Урал // Отечественные записки. СПб. 1874. № 12. С.310.

Однако даже эти весьма льготные условия выкупа не вызвали у посессионеров энтузиазма. Они согласны были заплатить за дачи только лишь незначительную, символическую сумму. «Желание посессионеров превратить посессию в собственность, по возможности, с ничтожными со своей стороны жертвами - желание давнее и очень сильное», - писал исследовавший посессионное право юрист В. А. Удинцев⁴⁸⁵. Проект в 1879 г. не был утвержден Государственным советом, признавшим необходимым «выждать» последствия для горной промышленности от только что построенной в регионе Уральской горнозаводской железной дороги.

В 1895 г. посессионеры снова возбудили ходатайство перед правительством о выкупе ими посессионных дач в собственность, а в прошении от 6 марта 1896 г. на имя Министра земледелия и государственных имуществ изложили свои условия выкупа. Посессионеры просили исключить из выкупного расчета добавочную подать с меди, золота и платины, а также с чугуна, выплавленного на привозном угле. Они соглашались на определение выкупной суммы путем капитализации добавочной горной подати только с чугуна, да и то не в полном размере. При принятии правительством этого предложения посессионеров стоимость одной десятины посессионных земель определялась бы в 68 коп., а общая сумма выкупа всех посессионных земель составила бы 2,99 млн руб. Для сравнения можно указать, что на каждую десятину земель, поступивших в надел крестьянам Пермской губернии, выкупные платежи составили 12 руб. 27 коп., то есть в 16 раз больше⁴⁸⁶.

В 1898 г. комиссия Горного департамента под председательством А. А. Штофа выработала проект прекращения посессионного владения на Урале, который предусматривал отделение посессионных дач от заводов и отчуждение их в казну. Посессионеры должны были получить в собственность лишь земли, занятые заводами, рудниками и приисками (но не свыше 300 десятин на каждый завод и не более 1 квадратной версты под

⁴⁸⁵ Удинцев В. А. Посессионное право. Киев. 1896. С. 192.

⁴⁸⁶ Сигов И. С. Указ. соч. С. 196.

рудник или прииск). Казна обязывалась снабжать бывшие посессионные заводы лесом из бывших посессионных дач за низкую плату, предоставляла им на десять лет исключительное право поисков в дачах полезных ископаемых и получения отводов для новых рудников и приисков. С вступлением в жизнь проекта бывшие владельцы посессионных дач освобождались от всех посессионных ограничений и от уплаты добавочной горной подати.

Условия ликвидации посессионного владения, предлагавшиеся комиссией Штофа, были выгодными для посессионеров. Об этом убедительно свидетельствует доверительная записка управляющего Нижнетагильскими заводами Н.И. Замятина от 30 ноября 1899 г. в Петербургскую контору, в которой приводятся следующие расчеты: Нижнетагильские заводы в силу посессионного владения лесными дачами ежегодно платили добавочной горной подати 121,7 тыс. руб., уездного и губернского сбора и поземельного налога 45 тыс., расходовали на содержание лесной стражи 45 тыс., а всего несли расходов на сумму 211,7 тыс. руб. По прекращении посессионного владения они стали бы платить за покупаемый из своих бывших дач лес в год от 67 тыс. до 74,25 тыс. руб., в среднем – 70,6 тыс. руб. Таким образом, при принятии проекта, заводы стали бы ежегодно получать экономно приблизительно в 141 тыс. руб.⁴⁸⁷

Казалось бы, для владельцев посессионных заводов, постоянно жаловавшихся на «тяготы» и «стеснения» посессионного права, предоставилась прекрасная возможность сразу освободиться от «связывавших» их феодальных пут и вестн хозяйство чисто капиталистически. На деле же произошло совершенно обратное. Несмотря на очевидные выгоды, проект Штофа не только не встретил сочувствия у посессионеров, но, наоборот, вызвал их решительное противодействие: посессионеры не хотели расставаться с огромными дачами, а вместе с ними и со своими феодальными привилегиями и монополиями, возможностью широкого применения полуфеодальных форм эксплуатации рабочих.

Посессионеры занялись выискиванием контрдоводов, с помощью которых можно было бы опровергнуть проект Штофа. В июле 1905 г. главное правление Невьянских заводов обратилось к Министру финансов с ходатайством об освобождении его от посессионных ограничений, мотивируя это большой задолженностью заводов, достигшей 1,84 млн руб. Вслед за этим с подобным ходатайством в правительство обратились представители Алапаевских, Верхисетских, Нижнетагильских, Омутнинских и Сысертских заводов, также ссылавшиеся на то, что все посессионные округа «обременены значительными долгами». Для обоснования своих домогательств посессионеры привели следующий «веский» аргумент: Нижнетагильский округ был заложен в Нижегородско-Самарском банке, который оценил округ в 7,6 млн руб. По правилам земельных банков, оценке подлежали земельные угодья, стоимость же построек не должна была превышать 10 % с оценки земли.

Таким образом, оценка банком одних земель Нижнетагильского округа равнялась 6,95 млн руб. Следовательно, эта сумма и представляла, по мнению посессионеров, стоимость посессионных прав владельцев округа. По этим соображениям, утверждали посессионеры, проектируемый способ прекращения посессионного владения, на условии безвозмездного перехода земель в казну, применен быть не может. Такой переход может быть произведен только с уплатой владельцам округов стоимости посессионных прав – для Нижнетагильских заводов указанной суммы 6,95 млн руб., а при переходе в казну всех посессионных округов – ей пришлось бы уплатить посессионерам свыше 20 млн. руб.⁴⁸⁸ (Сами посессионеры, как мы видели выше, за переход этих земель в их полную собственность соглашались уплатить казне 2,99 млн. руб.).

Проект Штофа был снят с повестки дня и заменен другим законопроектом, предусматривавшим снятие посессионных ограничений путем весьма умеренной выкупа.

⁴⁸⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 8. 1899. Д. 2427. Л. 5 - 6.

⁴⁸⁸ Материалы по вопросу о выкупе посессионных заводов с журналами Особого совещания, образованного в 1905 г. для рассмотрения этого вопроса. СПб. 1905. Ч.1. С.38 - 39.

Но и этот законопроект увяз в различных комиссиях. Вопрос о ликвидации посессионных владений так и не был решен. Посессионные округа просуществовали на Урале до 1917 г. Таким образом, могущественные посессионеры – Демидовы, Яковлевы, Стенбок-Фермор, Турчаниновы и Соломирский и др., так горько жаловавшиеся на свои «тяготы» и приносимые ради развития горного дела «жертвы», успешно отбили все попытки снять с них эти «тяготы» и избавить их от необходимости приносить «жертвы», и отстояли неприкосновенность своих полукрепостнических латифундий.

Пореформенное землеустройство горнозаводского населения. Значительный интерес для характеристики аграрных отношений на Урале в пореформенный период представляет история поземельного устройства горнозаводского населения посессионных заводов. Она в достаточной мере характеризует также отношение владельцев посессионных заводов к наделению землей горнозаводского населения, которое весьма показательно, особенно если учесть, что намеченные к отходу населению земли не были полностью и безоговорочно их частной собственностью, юридически считались государственной собственностью и находились у посессионеров во временном пользовании.

В пореформенный период к горнозаводскому населению относились коренные местные жители заводских, рудничных, приисковых и промысловых поселков, бывшие крепостные горнозаводчиков, зачисленные при проведении реформы 1861 г. в число мастеровых или сельских работников. В основном это были заводские, цеховые, рудничные и приисковые рабочие, а также вспомогательные рабочие – углежогы, дроворубы, возчики и т.п. Но в состав горнозаводского населения входило и некоторое количество бывших крепостных, ставших мелкими хозяйчиками, занимавшихся торговлей, подрядами кустарными промыслами и т. п., юридически независимых от заводоладельцев, но зависимых от них экономически, вынужденных арендовать у них землю под пашни, покосы, выгоны, под свои промышленные заведения, брать из их дач лес и дрова и т.п.

Реформа 1861 г., освободив бывших крепостных от личной зависимости, поставила всё горнозаводское население уральских заводов в полукрепостническую экономическую зависимость от заводоладельцев. По Положению 19 февраля 1861 г. мастеровые посессионных заводов получали только усадьбные участки (мастеровые, считавшиеся «данными от казны» - в собственность безвозмездно, все остальные – в постоянное пользование за оброк) и по одной десяatine покосов (в постоянное пользование за повинность), сельские работники получали полевой надел в размере крестьянского надела данной местности⁴⁸⁹. Едва ли можно признать предоставление мастеровым усадьбных участков и по десяatine покосов за «наделение» их землей. Мастеровые, получившие только усадьбные участки и покосы, не имели возможности вести самостоятельное сельскохозяйственное хозяйство, и вынуждены были весь год заниматься заводской работой.

При проведении реформы 1861 г. владельцы посессионных заводов, чтобы не наделая своих вспомогательных рабочих полевым наделом, мошеннически зачислили почти всех их в разряд мастеровых. Из всех посессионных горных округов сельские работники «оказались» лишь в двух: в Алапаевском – 2854 души мужского пола и в Сысертском – 3288 душ, хотя накануне отмены крепостного права на всех заводах от 1/2 до 3/4 рабочих выполняли вспомогательные работы и, следовательно, должны были быть зачислены в сельские работники.

Средством закабаления уральских рабочих явилось не только сохранение в руках горнозаводчиков огромных земельных владений, но и оставление за ними феодальных привилегий на занятие горным промыслом. При проведении реформы 1861 г. уральские горнопромышленники настояли на сохранении закона, запрещавшего открытие в заводских округах каких-либо заведений, основанных на «огненном действии, требующем угля и дров»⁴⁹⁰. Горнозаводское население, не получившее земли и не имевшее

⁴⁸⁹ 2 ПСЗ. Т. XXXVI. 1863. № 36867.

⁴⁹⁰ Свод законов Российской империи (1857 г.). Т. VII. Устав горный. Ст. 394.

возможности легально заниматься горным делом и кустарными металлическими промыслами, оказалось в полной зависимости от заводоладельцев.

Массовые волнения горнозаводского населения на Урале против грабительской реформы 1861 г. заставили правительство пойти на уступки и сделать к Положению 19 февраля 1861 г. ряд «добавлений»: законом 14 февраля 1862 г. мастеровым посессионных заводов были предоставлены в пожизненное и безвозмездное пользование участки, расчищенные от леса их собственным трудом (так называемые «росчистки») ⁴⁹¹; законом 9 августа 1864 г. право на росчистки было распространено на всех взрослых членов семьи мужского пола, которым при обнародовании Положения 19 февраля 1861 г. исполнилось 18 лет ⁴⁹².

Росчистки занимали значительный удельный вес в землепользовании мастеровых и сельских работников (в Верхисетском округе – 40 %, в Нижнетагильском – 49%, в Невьянском – 19 % и т. д. ⁴⁹³), но предоставление их в пользование населению (в основном это были покосы) не могло существенным образом изменить положение мастеровых, так как усадебные участки и покосы даже вместе с росчистками не могли обеспечить им независимого от заводов существования.

В дальнейшем аграрный вопрос на Урале еще более обострился. Горнозаводская промышленность Урала в первые десятилетия после падения крепостного права развивалась замедленными темпами, прирост населения обгонял спрос на рабочую силу. Избыточное горнозаводское население, не находившее работы в промышленности и не имевшее возможности заняться кустарными промыслами, вынуждено было, насколько это позволяли местные климатические и природные условия, обращаться к земледелию.

Земельные наделы, предоставленные мастеровым и сельским работникам по Положению 19 февраля 1861 г. и росчистки, предоставленные по законам 14 февраля 1862 г. и 9 августа 1864 г., не были ограничены на местности, пользуясь чем, население продолжало самовольно расширять свое землепользование за счет новой расчистки лесов и кустарников.. Поскольку земли горнозаводского населения были разбросаны мелкими участками по всей территории обширных лесных дач, заводоуправлениям было трудно или даже совершенно невозможно противодействовать самовольным захватам ⁴⁹⁴.

Особенно в значительных размерах в этот период увеличилось землепользование горнозаводского населения закрытых и сокративших свое действие заводов, а также небольших, расположенных в глухой, отдаленной местности заводов. Расширению землепользования горнозаводского населения способствовали также успехи агрономии и техники земледелия. Заводоладельцы, опасавшиеся, что на основании закона о десятилетней давности самовольно захваченные горнозаводским населением земли могут перейти в его собственность, начали все более настойчиво выдвигать вопрос о сохранении в неприкосновенности своих огромных земельных владений, причем они ставили своей задачей не только приостановить дальнейшее расширение землепользования горнозаводского населения, но и экспроприировать земли, самовольно захваченные населением.

Подготовка и принятие закона о землеустройстве населения посессионных заводов. Царское правительство пошло навстречу желаниям горнозаводчиков. В 1878 г. Министерством государственных имуществ был разработан проект закона об устройстве быта населения посессионных заводов, по которому предполагалось предоставить населению в собственность безвозмездно усадьбы и наделы, определенные уставными грамотами; отвести лесные наделы; росчистки из пожизненного владения передать в собствен-

⁴⁹¹ 2 ПСЗ. Т. XXXVII. 1865. № 38671.

⁴⁹² 2 ПСЗ. Т. XXXIX. 1867. № 41174.

⁴⁹³ Полюшова К. Д. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь. 1917. С. 18.

⁴⁹⁴ Там же. С.18 - 19.

ность; если постоянный надел вместе с рощистями не достигнет нормы высшего надела, предоставить право принять недостающее количество земли за оброчную плату⁴⁹⁵.

Проект вызвал возражения со стороны владельцев посессионных заводов. 5 ноября 1883 г. посессионеры обратились в Министерство государственных имуществ с коллективным прошением, в котором категорически возражали против предоставления населению дополнительных до высших норм земельных наделов и предоставления лесных наделов, требовали большего ограждения их прав на месторождения полезных ископаемых, предоставления на 10 лет права на обмен угодий, расширения доли участия в вымежевании наделов.

Посессионеры предлагали предоставить мастерам, и то не в собственность, а только в вечное и безвозмездное пользование, кроме усадебной оседлости, лишь участки, назначенные уставными грамотами и состоящие под пашнями и полевыми или луговыми севокосами; рощисты, заявленные в установленные сроки; пашни, обрабатываемые в течение последних пяти лет сряду; севокосы в лесах и курнях, если они были назначены там уставными грамотами; выгоны по 600 кв. саж. на душу мужского пола⁴⁹⁶.

Хотя правительство и не согласилось с некоторыми пожеланиями горнозаводчиков, их предложения были положены в основу разрабатываемого проекта закона о завершении поземельного устройства населения посессионных горных заводов. Ввиду сопротивления посессионеров, его подготовка растянулась на 10 лет. В 1885 г. заводладельцам было предложено предоставить сведения о фактическом землепользовании горнозаводского населения, после чего вопрос был подвергнут новому обсуждению с участием представителей посессионных заводов. В 1887 г. проект был передан на заключение Министров финансов и Внутренних дел, затем рассмотрен Государственным советом, а 19 мая 1893 г. утвержден царем и стал законом.

При выработке закона 19 мая 1893 г. «О завершении поземельного устройства мастеровых и сельских работников посессионных горных заводов в Уральских горнозаводских округах» правительство руководствовалось соображением, что земельные наделы горнозаводского населения должны служить только «в качестве хозяйственного подспорья, дополняющего заработка горнорабочего и дающего ему прочную оседлость» и обеспечить уральским заводам «постоянный контингент прочнооседлых рабочих, избавляя заводоуправления от тех затруднений, которые испытывает в отношении отыскания рабочих наша каменноугольная промышленность на Юге России или золотопромышленность в Сибири». При этом правительство считало необходимым прежде всего «стремиться к тому, чтобы права заводов на леса и месторождения полезных ископаемых не были уменьшены»⁴⁹⁷.

Целью закона 19 мая 1893 г., так откровенно высказанной законодателями, было сохранить и закрепить полукрепостническую зависимость горнозаводских рабочих от владельцев посессионных заводов. Царское правительство, лицемерно стараясь представить себя в глазах народных масс стоящим «над классами», охраняющим интересы широкой массы населения, оберегающим его от обезземеления и разорения, на деле осуществляло чисто крепостническую, крепостнически-дворянскую политику. Закон 19 мая 1893 г. явился одним из звеньев реакционной внутренней политики правительства Александра III, получившей название «контрреформ».

По закону 19 мая 1893 г. мастерам и сельским работникам предоставлялись в постоянный надел безвозмездно, сверх их усадебной оседлости: а) покосы и рощисты в лесах и курнях в тех размерах, в которых покосы были определены уставными грамотами, а рощисты признаны установленным порядком; б) все полевые и луговые угодья, находящиеся вне местностей, указанных в пункте А, которыми мастерам и

⁴⁹⁵ Законодательные материалы по вопросам, относящимся к поземельному устройству горнозаводского населения / Составил А. С. Кривошеков. СПб. 1911. С. 413 - 415.

⁴⁹⁶ Там же. С. 419 - 421.

⁴⁹⁷ Там же. С.427 - 438.

сельские работники действительно пользовались не по найму от заводууправлений по 1 января 1893 г.; в) выгоны по 600 кв. саж. на душу. Через 15 лет со времени издания закона отграниченные наделы должны были перейти в собственность населения, до истечения этого срока заводууправлениям предоставлялось право производить на этих землях разведку и разработку ископаемых и требовать, в случае обнаружения ископаемых, разверстания и обмена угодий. Землевладельцам предоставлялось право, если они пожелают, производить межевые работы на свой счет и своими людьми⁴⁹⁸.

Буржуазная и народническая историография вслащески идеализировали закон 19 мая 1893 г., утверждали, что он был издан в интересах горнозаводского населения и лишь при проведении в жизнь его положительные черты были в значительной степени утрачены. Так, известный уральский народник И. С. Сигов писал: «... Закон 1893 г. имел целью значительное улучшение быта посессионных крестьян и благотельные последствия его были бы несомненны, но, благодаря разным обстоятельствам, последствия эти сведены были до минимума»⁴⁹⁹. К. Д. Поношев заявлял, что закон 1893 г. закреплял за населением земли фактического пользования, но при своем осуществлении «резко разошелся с экономическими и бытовыми сторонами жизни того самого населения, для которого он был издан»⁵⁰⁰.

Советские историки 1920 – 1930-х гг. без критического рассмотрения восприняли эту точку зрения. С. П. Сигов писал, что закон 1893 г. предписывал «наделение населения в размере его фактического землепользования», но был «в значительной мере сведен на нет целой системой злоупотреблений, созданной заводууправлениями»⁵⁰¹. Ю. И. Гессен тоже считал, что по закону 1893 г. горнозаводское население становилось собственником своих наделов, но закон, «благодаря проидам заводовладельцев, на практике был сильно урезан»⁵⁰². В 1950 – 1960-х гг., когда среди историков снова возобновился интерес к аграрному вопросу на Урале, некоторые историки продолжали придерживаться старых позиций. Так, Г. В. Калугина, Л. А. Трефилова и др., без достаточных оснований, причем даже без тех оговорок, которые делали С. П. Сигов и Ю. И. Гессен, утверждали, что по закону 19 мая 1893 г. горнозаводское население получило в собственность все земельные угодья фактического пользования⁵⁰³.

В действительности же это было не так. По закону 19 мая 1893 г. из земельных участков, которыми мастеровые и сельские работники фактически пользовались по 1 января 1893 г., в надел поступали только полевые и луговые угодья, что же касается угодий в лесах и куренях, то из них отмежевывались лишь покосы, которые были определены уставными грамотами – по 1 дес. на ревизскую душу, и рощисты, которые были признаны установленным порядком, то есть утверждены крестьянскими учреждениями и мировыми посредниками. Между тем на Урале, ввиду лесисто-гористого характера местности, полевых и луговых угодий было очень мало или совсем не имелось, а многие рощисты не были заявлены или не были признаны установленным порядком, почему и не должны были поступить в надел⁵⁰⁴. Размер выгона, определенный законом – 600 кв. саж. (1/4 дес) на душу, был мизерным. По свидетельству современников, насе-

⁴⁹⁸ З ПСЗ. Т. XIII. 1897. № 9628.

⁴⁹⁹ Сигов И.С. Указ. соч. С. 198.

⁵⁰⁰ Поношев К.Д. Указ. соч. С.22.

⁵⁰¹ Сигов С. П. Некоторые данные для характеристики земледельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наемный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск. 1926. С. 173.

⁵⁰² Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР. М. 1929. Т. 2. Вторая половина XIX в. С. 201.

⁵⁰³ Калугина Г. В. Аграрный вопрос в посессионных округах Урала в конце XIX - начале XX вв. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале: Материалы научной конференции. Свердловск. 1953. С. 113; Трефилова Л. А. Автореф. дисс. С. 19.

⁵⁰⁴ Х. По поводу статьи Ш. «Поземельное устройство населения посессионных, заводов» // Екатеринбургская неделя. 1896. 25 августа. № 33. С. 733; Положение рабочих Урала во второй половине XIX-начале XX вв. 1861 - 1904: Сборник документов. М.; Л. 1960. С. 153.

ление получало в надел не более 1/20 того выгона, которым оно фактически пользовалось⁵⁰⁵.

Таким образом, закон 19 мая 1893 г. предоставлял заводладельцам большие возможности для экспроприации на «законном основании» значительного количества земель, находившихся в постоянном фактическом пользовании горнозаводского населения. Кроме того, горнозаводское население пользовалось лесом, а по закону 19 мая 1893 г. леса в надел оно совершенно не получало. Поэтому утверждения о том, что по закону 19 мая 1893 г. к населению переходили все земельные угодья фактического пользования, являются не верными.

Заранее осведомленные о предстоящем издании закона и его содержании, заводладельцы приняли все меры для того, чтобы лишить население возможности закрепить за собой находившиеся в его фактическом пользовании полевые и луговые угодья. Накануне опубликования закона, в 1892 г., заводоуправления путем всевозможных прижимок и угрозы стали принуждать ничего не подозревавших мастеровых брать бесплатно или за низкую плату арендные билеты на находившиеся в их пользовании земли. Только Нижнетагильским заводоуправлением было заключено до 500 таких договоров. После издания закона 19 мая 1893 г. все эти земли оказались собственностью заводладельцев⁵⁰⁶.

Трудности проведения закона от 19 мая 1893 г. в жизнь. Проведение землеустроительных работ по ограничению наделов, начавшееся в 1895 г. в Верхисетском и Сысертском, а в 1896 г. и в других посессионных округах, сопровождалось урезкой земель горнозаводского населения, отводом ему неудобных, худших земель, различными мошенничествами со стороны заводоуправлений. Ссылаясь на присутствие на участке даже незначительного количества поросли или кустарника, заводоуправления объявляли такие участки лесом и требовали сохранения их за собой. «Доверенные заводладельцев, - свидетельствовали современники, - оспаривали право населения положительно на каждый клоч земли, на каждую поросль, находящуюся на покосах отдельных домохозяев»⁵⁰⁷.

Намечаемые к отводу населению наделы значительно отличались от существовавшего фактического землепользования. Так, население Нейво-Шайтанского завода владело 10571 дес. земли, заводоуправление же соглашалось предоставить ему в надел только 4945 дес.⁵⁰⁸ Ввиду того, что закон 19 мая 1893 г. не определил, на какую душу - наличную или ревизскую - производится отвод выгонов, заводладельцы решили отводить их на ревизскую душу, хотя со времени последней ревизии (1858 г.) население в посессионных округах возросло более чем в два раза.

Вятское губернское присутствие сделало вывод, что лес, растущий на угодьях, отходящих в надел горнозаводскому населению, по закону 19 мая 1893 г., должен быть собственностью населения. Пермское губернское присутствие 2 мая 1900 г. приняло прямо противоположное постановление, согласно которому произрастающий на отходящих в надел населению земельных угодьях лес не являлся собственностью населения и заводоуправлениям предоставлялось право распоряжаться им по своему усмотрению. Ссылаясь на это постановление Пермского губернского присутствия, заводоуправления стали варварски истреблять леса на землях, отходивших населению. В течение четырех лет (1900 - 1903 гг.) в Пермской губернии свирепствовала настоящая вакханалия беспощадного уничтожения лесов. Растущий на отходивших в надел населению землях лес лихорадочно вырубался и сжигался в доменных и других металлургических печах. По свидетельству

⁵⁰⁵ Екатеринбургская неделя. 1896. 30 июня. № 25. С. 525.

⁵⁰⁶ Савич Г. Г. Землеустройство сельских обывателей Урала. СПб. 1907. С.29 - 31; Степанов П. Наделение земель горнозаводского населения на Урале. СПб. 1914. С.68 - 70.

⁵⁰⁷ Урал Северный, Средний и Южный: Справочная книга / Составитель Ф. П. Доброхотов, с участием В. А. Веснянского и В. С. Зыбина. Петроград. 1917. С. 173.

⁵⁰⁸ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 3. 1900. Д. 2085. Л. 61.

современников, в 1901 и 1902 гг. заводчики заготавливали дрова и уголь исключительно из леса, росшего на угодьях горнозаводского населения⁵⁰⁹.

Горнозаводское население посессионных заводов оказало решительное сопротивление проведению в жизнь закона 19 мая 1893 г. Мастерские и сельские работники создавали самовольные скоты, подавали во все инстанции – царю, министрам, местным властям – сотни прошений с просьбами об оставлении за ними земельных участков, предоставлении их в собственность или пожизненное бесплатное пользование, не подчиняясь постановлениям межевых чиновников и земских начальников, продолжали самовольно пользоваться отмежеванными от них землями. Заводоуправления составляли сотни протоколов о «самовольных» сенокосениях и порубках. Так, только в одном Верхнесалдинском заводе с 1 января по 1 октября 1899 г. заводской конторой было составлено 1182 протокола, в том числе: за самовольные порубки – 571, за самовольное сенокосение – 489, за захваты земли – 122⁵¹⁰. За четыре года в посессионных округах Пермской губернии было составлено до 70 тыс. протоколов о «самовольных» порубках и почти столько же – о «самовольном» пользовании пашнями и покосами⁵¹¹.

Земские начальники по этим протоколам накладывали на рабочих штрафы, сажали «самовольщиков» под арест. Лесная стража жестоко расправлялась с «самовольщиками»: избивала их, сжигала заготовленное ими сено или разбрасывала его по земле, сжигала построенные на покосах балаганы вместе с находившимся в них имуществом, запакивала, то есть сознательно портила покосы и т. д. Она жестоко расправлялась и с теми, кто по какой-нибудь причине случайно оказался в лесу. В Казанской судебной палате в сентябре 1894 г. слушалось дело по иску мещанина г. Екатеринбургa Резникова и его двух приятелей, которые отправились на прогулку в лес, принадлежавший графине Стенбок-Фермор, и были зверски избиты лесной стражей⁵¹².

Не меньшими жестокостями сопровождалось отбирание имущества за штрафы по исполнительным листам: полицейские силой врываются в дома, избивали «самовольщиков» и членов их семей, отбирали одежду и домашние вещи, уводили скот, ломали и увозили надворные постройки. «Если бы начать описывать, как происходило и происходит земельное устройство мастерских и сельских работников в посессионных горных заводах...; какую чудовищную массу горя, лишений, обид и страданий пережило и претерпело население; какое огромное количество людей поплатилось ссылками, тюрьмами и арестами; какое невероятное разорение чинилось краю, - если бы все это начать описывать, то получилась бы огромная книга», - свидетельствовали журналисты В. А. Весновский и В. С. Зыбин⁵¹³.

Горнозаводское население упорно отстаивало свои права на земельные угодья. Среди мастерских Нижнетагильского округа распространилось убеждение, что по закону 19 мая 1893 г. в их собственность поступят все земли, которыми они владеют. Поэтому они всеми средствами стали расширять границы своих участков: переносили старые изгороди на новые места, огораживали участки жердями, обваливали их границы сухостойным или свежесрубленным лесом⁵¹⁴. Мастерские и сельские работники Алапаевских заводов, ссылаясь на апокрифическую грамоту Петра I, по которой все земли якобы были переданы населению в полную собственность, отказались признать землю собственностью заводладельцев, продолжали самовольно косить сено и рубить лес в заводских дачах⁵¹⁵.

⁵⁰⁹ Урал Северный, Средний и Южный. С. 175.

⁵¹⁰ ГАСО. Ф.643. Оп.3. 1899. Д.2425. Л.8.

⁵¹¹ Урал Северный, Средний и Южный. С.175.

⁵¹² Судебная хроника: Жестокое порядки на заводах графини Стенбок-Фермор // Волжский вестник (Казань). 1894. 17 / 29 сентября. № 235.

⁵¹³ Урал Северный, Средний и Южный. С.168.

⁵¹⁴ ГАСО. Ф.643. Оп. 3. 1899. Д.2425. Л.23.

⁵¹⁵ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф.162. Оп.1. 1889. Д.47. Л. 28.

Порубки населением лесов приняли форму массовых коллективных выступлений. 5 июня 1899 г. мастеравые д. Никитиной (Черемшанки), поднявшись по призыву набата, за один день вырубил в Верхнесалдинской даче большой участок строевого леса, так называемый «Журавлев бор»⁵¹⁶. В 1899 г. жители деревень Бучиной и Кабаковой, выполнявшие на Алапаевских заводах вспомогательные работы, не позволили отобрать у них и увезти на завод дрова, нарубленные на заводских землях. Полиция и лесная стража трижды являлись в эти деревни, причём в последний раз уездный исправник собрал большой отряд полиции и около 50 чел. лесной стражи, но всякий раз получали отпор от жителей, так и не позволивших увезти свои дрова. Жители Бучиной и Кабаковой считали земли своими и продолжали и в последующие годы рубить на них дрова. Заводская администрация и власти оказались бессильными помешать этому. В 1901 г. жители Бучиной, вооружившись охотничьими ружьями и забаррикадировав дороги в деревню, четыре раза отгоняли налеты лесной стражи и полицейских, упорно отказываясь признать земли принадлежащими горнозаводчикам⁵¹⁷.

Между горнозаводским населением и заводоуправлениями из-за земельных участков возникла масса спорных дел, которыми были перегружены все судебные инстанции. По официальным данным Главного начальника Уральских горных заводов, сообщенным члену совета Министра внутренних дел Г. Г. Савичу, ревизировавшему крестьянские учреждения Пермской губернии, в 1898 г. на рассмотрении судебных инстанций по посессионным заводам губернии находилось 8859 спорных дел на пространство 13009 десятин, в 1902 г. – 41159 дел на пространство 77049 десятин, в 1903 г. – 47 992 дела на пространство 99028 десятин, причем из их числа были решены только 5158 дел на пространство 11272 десятины и оставались нерешенными 42834 дела на пространство 87756 десятин⁵¹⁸. «Подумать страшно, - восклицали В. А. Весновский и В. С. Зыбин, - какая масса бумаги растрачена, сколько энергии, сил истрачено, какого огромного труда стоило тысячам людей разобраться в этом потоке споров! А какая масса подешин пропала даром при вызовах свидетелей, понятых, доверенных!»⁵¹⁹.

Таким образом, мы видим, что в конце XIX – начале XX вв. на посессионных заводах Урала фактически развернулась широкомасштабная, ожесточенная, настоящая «аграрная война». Обострению аграрного движения на горнозаводском Урале в конце XIX – начале XX вв. способствовали потеря Уралом в конце 90-х гг. XIX в. монополии в производстве и сбыте черных металлов и изделий из них на внутреннем рынке и оттеснение его на второй план быстро развивавшимся Югом России, экономический кризис 1900 – 1903 гг. и последовавшая за ним длительная промышленная депрессия, которые привели к сокращению производства на многих заводах и закрытию некоторых заводов, к резкому ухудшению материального положения рабочих.

Массовая хроническая безработица и полубезработица (в форме специфических уральских так называемых «гулевых дней»), тяжелое материальное положение рабочих являлись глубокой причиной обострения аграрных волнений. «Если ... к нищенскому земельному наделу прибавить, что мастеравые и сельские работники посессионных округов систематически переживают массовую безработицу, что производственные условия их жизни очень тяжелы, а заработки крайне низки и неопределенны, - то почва и причина хронических рабочих волнений и непрерывного за последние годы аграрного брожения на Урале - будут вполне понятны и естественны», - писал Д. Зайцев⁵²⁰.

Под влиянием аграрных волнений в посессионных округах Сенат в ноябре 1903 г. вынужден был издать «разъяснение» № 5871, запрещавшее заводоуправлениям уничтожать леса на землях, отходивших в надел горнозаводскому населению.

⁵¹⁶ ГАСО. Ф.643. Оп.3. 1899. Д. 2425. Л.23.

⁵¹⁷ ГАПО. Ф.162. Оп.1. 1899. Д.47. Л.28-30 об; ГАСО. Ф.519. Оп.1. 1901. Д.18. Л.51-53.

⁵¹⁸ Савич Г.Г. Указ. соч. С.41-42.

⁵¹⁹ Урал Северный, Средний и Южный. С.174.

⁵²⁰ Зайцев Д. Государственная Дума и уральские аргонавты // Образование. СПб. 1908. № 5. С. 9.

Землеустроительные работы в посессионных округах, ввиду упорного сопротивления населения, велись очень медленно, и к 1905 г. была произведена лишь съемка угодий населения, отграничены наделы по 19 селениям и составлены проекты отграничения по 42 селениям, но все они не были приняты населением⁵²¹.

В период революции 1905 – 1907 гг. аграрное движение на Урале принимает еще больший размах. Уже в марте 1905 г. во время забастовки на Алапаевских заводах рабочие Нейво-Алапаевского завода, вместе с сельскими работниками окружающих деревень и рабочими Верхнесиначихинского, Нейво-Шайтанского и Ирбитского заводов, выработали совместные требования о наделении их, в случае отказа от повышения заработной платы, землей⁵²². В мае 1905 г. новая стачка на Нейво-Алапаевском заводе переросла в стихийную расправу с администрацией, в завод были введены войска. Вслед за этим всеобщая забастовка вспыхнула на Нижнетагильских заводах, туда правительством были введены две роты солдат. В июне началась стачка на Сысертских заводах, которая продолжалась более трех месяцев. В заводы были введены воинская команда и отряд казаков. Постепенно забастовочное движение охватило все посессионные округа. В ходе стачек рабочие выдвигали, в числе прочих, и различные аграрные требования.

Осенью 1905 г. аграрное движение еще более активизировалось, а к концу года аграрные волнения охватили весь горнозаводской Урал, приняв «погромно-порубочный» характер. 29 ноября 1905 г. и. д. Пермского губернатора М. В. Стрижевский доносил в Министерство внутренних дел, что настроение большинства заводов Урала «... весьма тревожное... Тревожность положения усиливается начинающимся здесь аграрным движением, выражающимся... массовыми порубками...»⁵²³. 21 декабря 1905 г. Стрижевский телеграфировал председателю Совета министров С. Ю. Витте: «Открылись массовые волнения рабочих... На Мотовилихинском заводе – форменное восстание... Одновременно возникают аграрные волнения крестьян. ими охвачены имения графа Строганова, князя Голицына, Абамелек-Лазарева, Орловой-Дашковой, Ратькова-Рожнова и других..., происходят массовые порубки лесов, случаи грабежа, насилий... Положение становится крайне тревожным; трудно предвидеть, чем все кончится...»⁵²⁴.

В посессионных округах аграрное движение приняло особенно острый характер. Когда в октябре 1906 г. Заведующим землеустройством на Урале было создано в Перми совещание горнопромышленников, население Нижнетагильского округа под влиянием агитации социал-демократов потребовало, чтобы на него были приглашены его представители. Явившись на совещание, уполномоченные рабочих высказались за отмену закона 19 мая 1893 г. и наделение землей в достаточном количестве. Почти на всех посессионных заводах для отстаивания земельных нужд населения создавались волостные комиссии по землеустройству, избравшие Центральное бюро.

В декабре 1906 г. Центральное бюро отправило Министру внутренних дел телеграмму, в которой требовало, впредь до удовлетворения населения в наделении землей, приостановить обсуждение вопроса о выкупе владельцами посессионных имений. В ответ на телеграмму Министр приказал арестовать бюро, но местная администрация не в состоянии была выполнять это приказание. В январе 1907 г. уполномоченные мастеровых Нижнетагильского округа отвергли проект надела, составленный на основании закона 19 мая 1893 г., и выдвинули свой, в котором требовали передачи населению всех земель фактического пользования, предоставления малоземельным и безземельным по 8 дес. на личную душу, предоставления лесного надела по 3 дес. на личную душу, выгонной

⁵²¹ Известия Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. 1907. 4 марта. № 9. С. 149.

⁵²² Горовой Ф. С. Очерки революции 1905-1907 гг. на Урале. Пермь. 1955. С. 50.

⁵²³ Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы: Высший подъем революции 1906-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь-декабрь 1905 г. М. 1955. Ч. II. С. 821.

⁵²⁴ Там же. С. 828.

земли по 2 дес. на наличную душу и зачисления всей остальной земли посессионных дач в неотчуждаемый резервный фонд⁵²⁵.

Революция 1905 – 1907 гг. вызвала крупный поворот в земельной политике царского правительства и уральских горнозаводчиков. Напуганные размахом аграрного движения, владельцы заводов на своем совещании в конце 1905 г. решили отказаться от проведения межвых работ своими средствами и обратились к правительству с ходатайством о передаче всех работ по поземельному устройству горнозаводского населения посессионных заводов Уральскому поземельно-устроительному отряду, производившему работы в казенных заводах. Одновременно они согласились предоставить населению лесные наделы по 2 десятины на наличную душу и увеличить размер выгона до 1/2 дес. на наличную душу.

Правительство сделало ряд новых «разъяснений» к закону 19 мая 1893 г.: разъяснением Сената от 25 сентября 1906 г. № 5364 разрешалось заменять право населения на получение лесных материалов из посессионных дач отводом ему лесного надела, а разъяснением от 20 декабря 1908 г. № 6142 заводоуправлениям предлагалось определять размеры наделов по числу не ревизских, а наличных душ. В течение 1906 – 1907 гг. Уральский поземельно-устроительный отряд, работая ускоренными темпами, пересмотрел и пересоставил все проекты отграничения наделов, составленные заводоуправлениями, а затем подготовил и предъявил населению проекты наделов по всем 113 посессионным селениям Пермской губернии. При отграничении наделов для спрямления границ и уменьшения чересполосицы производились прирезки, по 65 селениям состоялся отвод лесных наделов⁵²⁶.

Результаты работ Уральского поземельно-устроительного отряда показывает таблица 2.

Таблица 2.

Наделы горнозаводского населения посессионных округов, определённые съёмками Уральского поземельно-устроительного отряда к 1917 г. *

Название округа	Угодий, определённых населению съёмками 1896 -1905 гг., десятин	Угодий, определённых населению съёмками 1906 -1907 гг. и последующих лет, десятин
Верхисетский	50384	218296
Сысертский	33362	69427
Алапьевский	64887	113390
Нижнетагильский	139050	220437
Невьянский	40097	65638
Ревдинский	38634	57274
Шайтанский	7230	10711
Омутнинский	9656	14988
Холуницкий	3080	35910
Всего	386380	795381

* Известия Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. 10 июля 1905 г. № 28. С. 573; Понишев К. Д. Очерк заселения Урала в пределах Пермской губернии. Пермь. 1917. С.70 - 76.

Из таблицы видно, что если по съёмкам, произведенным заводоуправлениями в 1896-1905 гг., населению посессионных заводов Урала было определено 386380 десятин, то по съёмкам 1906-1907 гг. и последующих лет, произведенных поземельно-устроительным отрядом, - уже 795381 дес., то есть в два раза больше. Напуганные революцией 1905-1907 гг., власти и горнозаводчики вынуждены были пойти на значительные уступки горнозаводскому населению и признать не только де-факто, но и де-юре сложившееся в посессионных округах землевладение горнозаводского населения.

⁵²⁵ Степанов П. Указ. соч. С.83-84; Зайцев Д. Указ. соч. С.11-12.

⁵²⁶ Понишев К.Д. Указ. соч. С.26-29; Известия Главного управления землеустройства и земледелия. СПб. 4 марта 1907 г. № 9. С.150.

Поэтому правильнее было бы говорить не об «увеличении земельных наделов горнозаводского населения при наделении его землей по закону 19 мая 1893 г.», как это трактовалось в официальных документах, а об юридическом признании властями и горнозаводчиками, под влиянием неблагоприятно сложившейся для них расстановки сил в развернувшейся вокруг земельных наделов борьбе, фактически сложившегося землепользования горнозаводского населения, изменить которое им оказалось не под силу. Как мы видели выше, закон 19 мая 1893 г. не предусматривал увеличения наделов, а наоборот, предполагал изъятие у населения значительного количества земель фактического пользования.

Разрешить с помощью закона 19 мая 1893 г. земельный вопрос на посессионных заводах Урала правительству не удалось. Предоставленные по закону в надел угодья, даже с дополнительными прирезками, произведенными после 1905 года, оказались совершенно недостаточными для удовлетворения нужд горнозаводского населения. Надельные земли распределялись среди населения очень неравномерно: наряду с владельцами участков в 70 – 80 дес. оказалось большое количество безземельных и малоземельных мастеровых, имевших клочки в 1 десятину и менее. Выгоны и после увеличения их до 1/2 десятины на наличную душу оставались незначительными; лесные наделы, да и то в недостаточном размере, получила только половина обществ.

Земли горнозаводского населения были расположены в дачах заводовладельцев чрезвычайно чересполосно. На громадные площади угодий, отходящих населению, заводоуправлениями были поданы заявки к обязательному обмену. Поскольку поземельное устройство еще не было завершено, население не могло считать отграниченные наделы своей собственностью. Поэтому и после повторного межевания горнозаводское население посессионных заводов продолжало борьбу за наделение землей в достаточном количестве. К 1917 г. из 113 селений только 54 согласились принять составленные проекты наделов по добровольному соглашению, по остальным же 59 селениям все проекты наделов были обжалованы⁵²⁷. Землеустройство населения посессионных заводов осталось к 1917 г. незавершенным.

Правительство, продолжавшее покровительствовать уральским посессионным горнозаводчикам, не осмелилось в чём-либо ущемить их классовые эгоистические интересы, а без этого, без радикальной ломки крупного землевладения горнозаводчиков, без ликвидации латифундий горнозаводчиков или передачи их в руки государства, то есть национализации земли, радикальное решение аграрного вопроса на посессионных заводах и ликвидация устаревшего посессионного права, и, тем самым, создание более благоприятных условий для развития производительных сил края, были невозможны.

Кроме того, пока правительство не торопясь и очень осторожно, боясь обидеть заводовладельцев-посессионеров, готовило и обсуждало проекты о ликвидации посессионного права и землеустройстве населения посессионных округов, вело ограниченными силами землеустроительные работы, социально-политическая обстановка в стране и регионе, настроения населения и рабочих горнозаводских округов резко изменились. Среди населения и рабочих росли оппозиционные и революционные настроения, убежденность в том, что наделение землей не сможет радикально изменить их материальное положение.

Н.В. Гришина
Челябинск

УРАЛ В ПОЛЕ ПРИТЯЖЕНИЯ СТОЛИЧНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

В XIX – начале XX вв. Урал находился на периферии общероссийской научной жизни и системы высшего образования. Тем не менее, мы можем

⁵²⁷ Понюшев К.Д. Указ соч. С.27.